

УДК 94(47).083

**ВОПРЕКИ ПОКАЗАНИЯМ И ДОКУМЕНТАМ:
РЕШЕНИЯ ТУЛИНСКИХ ВОЛОСТНЫХ СУДЕЙ 1914 Г.
КАК ОСНОВА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРИНЦИПОВ
СУДОПРОИЗВОДСТВА
В ВОЛОСТНОМ СУДЕ РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА ****

Институт истории Сибирского отделения
Российской академии наук, РФ, 630090,
г. Новосибирск, ул. Николаева, 8.

Кирилов Алексей Константинович –
кандидат исторических наук, старший научный
сотрудник, e-mail: alkir.nsk@gmail.com.
([подробнее](#))

Kirilov Alexey Konstantinovich -
Candidate of Historical Sciences, Senior Research
Fellow, e-mail: alkir.nsk@gmail.com.

Аннотация: Статья связана с изучением сознания русских крестьян начала XX в. Автор ставит задачей понять логику крестьянского судопроизводства: как действовали волостные судьи, сталкиваясь с взаимно противоречивыми свидетельствами, в какой степени они были способны противопоставить свой здравый смысл тем документам и показаниям, которые предлагали участники судебного процесса. Для этого используется годовая подборка решений Тулинского волостного суда (Томская губ., Барнаульский уезд) за 1914 г. Детальному разбору подвергнуты четыре решения, в которых судьи принимают решение в условиях взаимоисключающих свидетельских показаний либо выносят постановление, противоречащее наличным показаниям. Доказанным можно считать, что тулинские волостные судьи придавали значение и устным свидетельствам, и письменным документам (расписки, договоры), но не находились в зависимости от них. Решающую

роль в принятии решения играла самостоятельная логика (здравый смысл) судей, критически оценивающих все представленные им факты с учётом собственного жизненного опыта.

Ключевые слова: дореволюционная Россия; пореформенная Россия; крестьянская община; крестьянское самоуправление; история судебной системы; обычное право.

A.K. Kirillov

Contrary to Testimony and Documents:

Decisions of the Toulinsky County Judges of 1914 as a Basis for Studying the Principles of Legal Proceedings in the County Court of Russia at the Beginning of the 20th Century

Institute of History
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Russia, 630090, Novosibirsk, ul. Nikolayeva, 8.

Annotation: The article concerns the Russian peasant mentality at the beginning of the 20th century. The author aims at understanding the logic of peasant legal proceedings: how county court judges acted when they faced evidences contradicting one another, to what extent they were able to oppose their common sense to the documents and testimonies offered by litigants and witnesses. The 1914 collection of decisions of the Toulinsky County Court (Tomsk governorship, Barnaul district) is used as a source for the study. Four cases, in which the judges deal with mutually contradicting testimonies or take a decision that contradicts the evidence, are brought to detailed analysis. It can be considered proved that the Toulinsky court judges would attach importance to both oral evidence and written documents (receipts, contracts), but did not depend upon them. The decisive role in the decision taking was played by the own logic (common sense) of the judges, who

would evaluate critically all the facts presented before them, taking into account their own life experience.

Keywords: late Imperial Russia; Russia after the Great Reforms; peasant commune; peasant self-government; history of the judicial system; customary law.

Волостной суд России капиталистической – одно из явлений, популярных у современных историков¹. Его право решать дела «по обычаю» – источник множества удивительных и занимательных примеров, так любимых этнографами. Вот глава семейства требует со своего соседа денег за неудачное «просватание» невесты: водку пил, обещание давал, а девку отдал за другого – так возвращай теперь цену угощения (и суд постановляет вернуть). Вот один односельчанин жалуется на другого за побои; свидетели показывают, что драка была обоюдной, суд отправляет в каталажную камеру обоих. Действительно, такие решения были бы невозможны в коронном суде. Идеал справедливости, образ правильного не всегда одинаковы в обычае и в законе. Но в судебных делах есть и другая сторона: само судопроизводство, ещё точнее – принципы выработки решений судьями.

Этому вопросу уделяет специальное внимание автор наиболее глубокого исследования по русским волостным судам – американка Джейн Бёрбэнк. Она удачно формулирует общую мысль: судебное решение зависит не от общественного положения сторон, не от каких-то иных предвзятых показателей, а от хода судебного заседания. «То, что волостные суды, дело за делом, искали справедливых решений, за которые боролись тяжущиеся, делало закон активной силой в обеспечении постепенного, но значительного

---

¹ Земцов Л.И. Волостной суд в России 60-х – первой половины 70-х годов XIX века. (По материалам Центрального Черноземья). Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. 447 с.; Почеревин Е.В. Низовая административно-судебная система в Алтайском округе (конец XIX в. – 1917 г.). Бийск: АГАО им. В.М. Шукшина, 2013. 286 с.; Безгин В.Б. Сельское правосудие и правовые обычаи русских крестьян второй половины XIX – начала XX века. Тамбов: Тамбовский филиал РАНХиГС, 2014. 287 с.; Безгин В.Б. Мужичья правда. Обычное право и суд русских крестьян. Москва: Common place, 2017. 334 с. Менщиков И.С., Федоров С.Г. Волостные суды и крестьянское правосудие в Южном Зауралье. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2017. 152 с.; Васев И.Н., Синкин К.А., Васильев А.А. Обычное право русской крестьянской общины (XIX – начало XX в.). М.: Юрлитинформ, 2019. 326 с.

изменения сельского общества»². Переходя к более подробному разбору оснований для составления судьями приговора, автор называет главнейшими доказательствами признание обвиняемого, показания свидетелей и письменные документы.

Этот перечень верен как простое перечисление тех видов источников, которые использовались судом для выяснения фактов. Но остаётся вопрос, в какой степени судьи были зависимы от этих источников или, наоборот, самостоятельны в принятии решения. Есть ли примеры того, что судьи отвергали предложенные им показания и документы? Какому источнику отдавалось предпочтение при наличии взаимно противоречивых свидетельств или при полном отсутствии свидетелей?

Поиск ответа на этот вопрос требует микроисторического исследования – работы с отдельно взятыми решениями волостных судов. Шанс сделать это дают нам «Книги на записку решений» волостных судов. Каждая «Книга на записку» содержит все решения одного волостного суда за один год, записанные по единому шаблону. Такие документы имелись в каждом волостном правлении. Если бы все они сохранились, мы располагали бы огромным комплексом источников, включающим миллионы решений по всей России за каждый год. К сожалению, или к счастью для историков, «Книги» сохранились лишь в виде редкого исключения: по отдельным волостям, за отдельные годы.

Один из этих раритетов – «Книга на записку решений» Тулинского волостного суда за 1914 г., хранящаяся в Государственном архиве Новосибирской области³. Первым из исследователей на эти материалы обратил внимание М.В. Шиловский⁴; общее описание их сделала М.А.

---

² "The courts' case-by-case address to moral issues raised by litigants made law an active element in a gradual but significant transformation of rural society". См.: Burbank, Jane. Russian peasants go to court: legal culture in the countryside (1905–1917). Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 2004. P. 166.

³ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 204. Л. 1 – 249 об.

⁴ Шиловский М.В. Крестьянское общественное самоуправление в Западной Сибири в годы Первой мировой войны и социального катаклизма (1914–1919 гг.) // Сословные и социокультурные

Гордеева⁵. В «Книге» записаны 196 решений суда, принятых на протяжении года в волостном центре Томской губ., расположенном на четыре десятка вёрст южнее г. Новониколаевска. Книга прошнурована и скреплена сургучной печатью, заверена крестьянским начальником 4 участка Барнаульского уезда. В графе «расписка в выслушании решения или приговора» есть личные подписи тяжущихся. Проставлены даты в столбце «время отмены или утверждения решения». Это больше, чем формальность: по жалобе недовольной стороны съезд крестьянских начальников мог изменить решение даже на прямо противоположное (был такой случай и в Тулинской волости в 1914 г.). В графе «время исполнения решений» (это последний столбец таблицы) встречаются даты не только за 1914-й, но и за 1915-й, и даже за 1916 год.

Таким образом, у нас нет оснований заподозрить волостное правление в небрежном ведении «Книги». Тем не менее, задача наша остаётся трудной. Большинство судейских постановлений согласуется с показаниями свидетелей. «Волостной суд, принимая во внимание показания свидетелей <...> постановил» – таково одно из частых клише в «Книге на записку приговоров». Нередки и случаи примирения участников иска (с заявлением об этом здесь же, в комнате заседаний суда) либо неявки обеих сторон (что, по всей видимости, означает то же самое примирение). В таком случае роль суда сводилась к тому, чтобы сделать запись о прекращении иска. Во всей годовой подборке выделяются лишь несколько дел, в которых решение суда резко противоречит свидетельским показаниям либо документам, содержание которых записано в самом решении.

трансформации населения Азиатской России (XVII – начало XX века): Сб. мат. междунар. науч. конф. Новосибирск: Параллель, 2014. С. 284–292.

⁵ Гордеева М.А. Делопроизводственная документация Тулинского волостного суда как источник изучения крестьянства Западной Сибири начала XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. № 3. С. 107–111; Гордеева М.А. Сельское общество против сельских обывателей: эпизоды борьбы в волостном суде начала XX века (на материалах Тулинской волости Барнаульского уезда Томской губернии) // Исторический курьер. 2018. № 2. С. 1–10.

В одном из майских заседаний рассматривалось дело № 99, интересное уже тем, что в нём затронуты два малоизученных явления: плата за отбывание полицейских должностей вместо соседа и аренда наделной земли в Сибири⁶. Крестьянин села Тулы (оно же Тулинское, волостной центр) Федор Блохин (или Блохов: в одном документе неоднократно встречаются разные написания) просил взыскать со своего односельчанина Василия Мещерякова 15 руб. за то, что в 1911 г. Блохин отбывал должность десятского, арендуя землю у Мещерякова. Ответчик «отрицал» предъявленное требование, «т.к. по его мнению, истец Блохин хотя и отбывал [должность] десятника[,] но он был избран не за тот надел[,] который продал ему Мещеряков[,] а за другие два, оставшиеся у него Блохова земельные наделы». Выражение о продаже – это, конечно, не более чем просторечное описание того, что юридически правильно должно быть названо арендой: в Сибири пашни находились в собственности государства, продавать их друг другу крестьяне не могли. Именно арендой это названо и в ещё одном (сентябрьском, № 139) решении того же года с участием того же Василия Мещерякова. Дела последнего шли не очень хорошо: основную часть собственной земли он сдавал в аренду односельчанам, сам в то же время нанимался пахать для других, при этом неоднократно оказываясь в конфликтных ситуациях то ли из-за стремления обмануть контрагентов, то ли, напротив, из-за собственной чрезмерной доверчивости⁷.

Два других, более поздних, иска этого же года Мещеряков проиграл. Невыигрышным казалось и его положение в деле № 99: единственный свидетель высказался против него. Петр Мутошкин заявил, что в тот год, когда Блохин отбывал повинность десятского, «старостой было предупреждено Мещерякову, что Блохин избран за надел земли находящийся у Мещерякова». Раз староста «предупреждал» Мещерякова, значит, речь шла о каких-то неприятностях для него – например, необходимости платить за то, что другой

---

⁶ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 204. Л. 134 об. – 135..

⁷ Дела № 138 и 139: ГАНО. Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 204. Л. 186 об. – 190.

будет отбывать повинность него. Обращает на себя внимание и то, что при изложении доводов ответчика обычные нейтральные глаголы «показал» и «объяснил» заменяются на оборот «по его мнению», которым судьи, как будто, пытаются от этого «мнения» отмежеваться. Кажется, что изложение подводит нас к решению в пользу Блохина. Тем не менее, суд «выслушав объяснения сторон и приняв во внимание что Блохин иска свое[го] ничем не доказал определил в иске <...> отказать».

Доводы свидетеля были, таким образом отвергнуты. Сыграло ли роль то, что иск по поводу событий 1911 года был подан только в 1914 году? Показалось ли судьям что-то в этих показаниях фальшивым, недостоверным? Судить об этом у нас нет возможности, однако факт налицо: суд принял решение вопреки единственному показанию свидетеля (иначе говоря: вопреки всем имеющимся показаниям). Очевидно, что, хотя суд (или писарь) и счёл излишним вдаваться в подробности, у судей были доводы в пользу того, чтобы принять именно это решение. И эти доводы едва ли были связаны с особыми симпатиями в адрес бедняка, которому эти же судьи три месяца спустя откажут сразу в двух исках. Таков вывод по делу Блохина против Мещерякова.

Ещё один случай, не вполне прозрачный, но определённо говорящий о самостоятельности судей по отношению к свидетельским показаниям, записан в нашей «Книге» под номером 19; его рассмотрение пришлось на 22 марта⁸. Показания сторон, данные суду, оказались прямо противоположными: истец Иван Башарин и его свидетель Федор Харев утверждали, что деньги за «передачу для молотилки» (купленную на двоих с братом) Башарины ответчику отдали; ответчик же Алексей Заставенко и его свидетель Лука Башарин утверждали, что деньги отданы не были.

Причудливо вмешались в это дело родственные отношения. Свидетель со стороны истца приходился ему племянником (на этом основании ответчик пытался дать ему отвод, но суд не принял этого довода). И главное: из двух родных братьев Башариных один (Иван) оказался истцом, а другой (Лука) –

---

⁸ ГАНО. Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 204. Л. 31 об. – 34.

свидетелем ответчика. Лука Башарин, таким образом, свидетельствовал в ущерб не только брату, но и себе. Это, как будто, должно придавать дополнительный вес его словам. Тем не менее, именно его судьи заподозрили в обмане и вынесли решение в пользу истца. «Волостной суд предполагает, что свидетель со стороны ответчика Лука Башарин показывает в пользу последнего с целью воспользоваться полученными деньгами Заставенко с брата его Ивана Башарина» – так сформулирован ключевой элемент решения по данному делу.

Независимо от того, прав был суд или ошибся, очевидно, что у него должны были быть какие-то основания для того, чтобы выразить недоверие именно Луке Башарину, а не Федору Хареву. Основания эти оставлены за кадром. Правда, фамилия Федора Харева совпадает с фамилией одного из судей, и это наводит на мысль о кумовстве. Однако два месяца спустя эти же судьи рассматривали⁹ иск к Федору Хареву того самого Алексея Заставенко, которому свидетельство Федора на суде 22 марта причинило убыток в 3 руб. Заставенко подал иск через две недели после поражения в споре с Башариным. С Харева он потребовал 5 руб. не выплаченного долга за маховик от молотилки, и судьи постановили взыскать требуемую сумму. Таким образом Алексей Заставенко заставил Федора Харева оплатить ущерб, причинённый его свидетельством, а мы получили доказательство того, что Федор Харев не пользовался исключительной благосклонностью тулинских судей.

Подытожим дело Башарина и Заставенко: мы не можем судить, связан ли сделанный судьями выбор с их представлениями о личностях (моральном облике) участников процесса или с какими-либо фактами, всплывшими по ходу заседания. Но несомненно то, что суд, имея дело с формально равноправными и симметричными по сути своей свидетельствами, не поколебался отвергнуть показания одной из сторон, даже не излагая подробно обоснование своего решения.

---

⁹ Дело № 58: ГАНО. Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 204. Л. 78 об. – 80.

В следующем деле (№ 116) мы можем увидеть уже не только противоречие суда показаниям свидетелей, но и объяснение, почему это сделано¹⁰. Это дело рассматривалось в сентябре 1914 г. и было связано с обвинением, крайне редким в волостном суде: кража денег. Крестьянин д. Бороздиной Сергей Бабинов подал иск против 14-летней Пелагеи Чугаевой, жившей у него, по-видимому, в качестве прислуги («девка», приписанная к соседней волости). Чугаева обвинялась в краже крупной суммы – 20 рублей. Истец утверждал, что украденные деньги Чугаева отдала дочери одного из соседей, который (вместе с дочерью) тоже был вызван на суд, но не явился. Пелагея оказалась в суде одна против истца и трёх свидетелей в его пользу.

Свидетель Панфил Бороздин «объяснил что он в одно время зимой был у Бабинова, у последнего девка Чугаева плачет, он спросил зачем плачет, ему объяснили что она будто бы взяла из пальта Бабинова – 20 руб. денег, тогда Бороздин вызвал на одиночку Чугаеву и зачал ее спрашивать по поводу кражи денег при чем Чугаева созналась и сказала что деньги отдала девочке Елене – дочери Никифора Кунгурцева». Это показание подтвердил ещё один свидетель Михаил Кунгурцев (сравнение имени-отчества – Михаил Авдеевич и Никифор Елисеевич – показывает, что двое упомянутых Кунгурцевых не были близкими родственниками). Пелагея на суде не отрицала того, что поначалу сознавалась в краже, но «объяснила[,] что она сознавалась свидетелям Бороздину, Кунгурцеву[,] потому что ее насильно требовали сознаться». В показаниях Бороздина, как мы видели, о насилии речи не идёт – он лишь «начал спрашивать». Но раз Бабинов позволил ему «вызвать Чугаеву на одиночку», надо думать, что в доме Бабинова он был не случайным человеком и играл на стороне хозяина.

Был у стороны обвинения и ещё один козырь. Григорий Зырянов, квартировавший по соседству (у Василия Палицына), заявил, что в дом Палицына прибежал 13-летний сын Никифора Кунгурцева, Иван, и сообщил, что «его девки садили в голубец, а сами сыпали деньги 22 руб. украденные у

---

¹⁰ ГАНО. Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 204. Л. 159 об. – 162.

Бабина – девки были Пелагея Чугаева и сестра его Елена». По-видимому, «голубец» – это то, что в знаменитом словаре В.И. Даля записано как «голбец» (с пометкой о сибирском хождении слова): «род примоста, загородки, чулана или казенки в крестьянской избе, между печью и полатями; припечье, со ступеньками для всхода на печь и на полати, с дверцами, полочками внутри и с лазом в подполье». Вероятно, юный Кунгурцев жаловался на сестру, которая обманом заперла его в этом шкафу, чтобы без лишних глаз поделить добычу с подругой.

Что отвечала на это обвиняемая, в нашем источнике не говорится вообще. Общая картина складывается, как будто, далеко не в пользу Пелагеи. Тем не менее, суд вынес оправдательное решение. «Когда свидетели Бороздин и Кунгурцев допрашивали обвиняемую Чугаеву, действительно последняя как малолетняя, могла растеряться и для того чтобы её не истязали могла и сознаться» – так было отведено первое свидетельство.

Решение скорее неожиданное, чем предсказуемое; впрочем, здесь суд всё же ничего не изобретал, а просто поддержал объяснение, данное ответчицей. А самая интересная часть записи – та, которая касается показаний Григория Зырянова. «Сын Кунгурцева Иван 13 лет хотя и объяснил Зырянову что сёстра и Чугаева послали его в голубец, а сами делили деньги 22 руб., но как тот мог узнать сидя в голубце о том[,] сколько они будут делить денег, не выяснено, а потому, как видно[,] показание свидетеля Зырянова вымышленное» – так объяснили судьи логику отказного решения по иску. Мы имеем, таким образом, яркое свидетельство того, что судьи не принимают пассивно свидетельства, изложенные сторонами, а самостоятельно осмысливают произошедшее в лучших традициях популярных в начале XX в. романов о сыщиках (которых они, разумеется, не читали). Решение было принято вопреки показаниям трёх свидетелей, с опорой на внутреннюю критику источника, причём свидетель получил упрёк, ни много ни мало, в обмане суда.

Ещё одно столкновение, рассмотренное Тулинским волостным судом, позволяет оценить взаимодействие суда не только со свидетельскими показаниями, но и с письменными документами. Это столкновение описывается сразу двумя делами (№ 3 и № 5), рассмотренными 11 марта 1914 г.¹¹ Оба иска – отголоски более ранних событий, по итогам которых на руках у Марии Бокаревой оказалось решение суда о праве взыскать некоторую сумму со своего сына, Федора Бокарева, живущего отдельно. Платить добровольно Федор Бокарев отказался, и сельское начальство составило опись имущества, предполагаемого к продаже. Жена и тёща Бокарева подали иски об исключении из этой описи имущества, принадлежащего лично им, а не главе семейства.

Первой разбирался иск тёщи, Марии Гребенюковой, которая «объяснила, что она живет в доме зятя своего Федора Бокарева и имеет отдельно от него свое имущество». Из описи имущества своего зятя она просила исключить принадлежащих ей корову, бычка чёрного, жеребушку гнедую, двух свиней, двух гусей и 3000 штук кирпича.

Просительница запаслась сразу четырьмя свидетелями, которые показали: Павел Головков – что корова куплена Марией Гребенюковой у него; Ксения Хвостенко – что два гуся «приобретены и вскормлены ей Гребенюковой»; Ксения Минеева – что свиньи «куплены поросятами Гребенюковой и вскормлены ей»; Андрей Ломаченко – что все это имущество принадлежит Марии Гребенюковой, а также жеребушка гнедая и 3000 кирпича куплены ей у Бокарева, а бычок масти черной родился от ее коровы. Сверх того, на кирпич просительница «представила расписку» от 20 августа 1913 г. Ложку дёгтя в эту бочку мёда влила та самая мать Федора Бокарева, по иску которой и была составлена опись. Формально у суда не было оснований привлекать её к делу, и видимо, она не знала о заседании заранее, но всё-таки под конец разбора дела она появилась и успела заявить, что свидетель

---

¹¹ ГАНО. Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 204. Л. 5 об. – 11.

Ломаченко – родной зять¹² Гребенюковой, «и она просит показаний его во внимание не принимать». В итоге истица всё-таки получила удовлетворение по большинству пунктов: только в отношении жеребушки «ходатайство было оставлено без последствий».

Иск Александры Бокаревой, хотя и поданный раньше иска Гребенюковой, рассматривался позже (по-видимому, дело казалось судьям более сложным). Просительница требовала исключить из описи имущества ее мужа: дом, амбар и 5 сосновых бревен на том основании, что они куплены ею у мужа. Помимо свидетельства всё того же Андрея Ломаченко, заявительница «представила заключенный ей с мужем договор в покупке дома и амбара 14 Мая 1913 года и частную расписку на покупку леса от 28 декабря 1912 года».

Несмотря на тщательное, как будто, юридическое подкрепление своих требований Александра Бокарева не получила ничего: суд напомнил, что опись имущества «составлена уже 23 Декабря 1912 года и 14 Мая 1913 года», т.е. документы Бокаревых о купле-продаже составлялись уже после описей их имущества, и потому в документах этих «усматривается только одна юридическая уловка дать Федору Бокареву избавиться от платежа денег на содержание матери по решению волостного суда».

Оба дела Бокаревых и Гребенюковой – яркий пример творческого подхода судей к использованию источников всех доступных видов. Для суда, несомненно, были важны слова свидетелей: свиньи, гуси и бычок достались Марии Гребенюковой именно на основании свидетельских показаний. Но «жеребушка гнедая», принадлежность которой подтверждал Андрей Ломаченко, из перечня была исключена. Вероятно, показания Ломаченко были ослаблены заявлением Марии Бокаревой. При этом «бычок масти черной», про которого из всех свидетелей упомянул только Ломаченко, всё же остался за истицей. Очевидно, судьи здесь учитывали не только показания свидетеля, но и собственные представления о жизни: раз корова принадлежит

---

¹² Как известно из материалов дела, жёны Андрея Ломаченко и Федора Бокарева были родными сёстрами (дочери Марии Гребенюковой).

Гребенюковой (как известно из показаний надёжного свидетеля), то естественно, что и бычок – ей же; а вот покупка тёщей жеребушки у собственного зятя показалась судьям делом менее естественным.

Далее: для судей, несомненно, были важны писанные документы: расписка на покупку кирпича позволила Марии Гребенюковой вывести кирпич из-под угрозы продажи, даже несмотря на сомнительность этой покупки по существу дела. Зачем бы тёще, живущей в доме собственного зятя, покупать у него кирпич? Кажется очевидным, что кирпич предполагалось пустить на постройку в интересах общего хозяйства Бокаревых и Гребенюковой. И на примере «жеребушки гнедой» мы уже знаем, что покупка тёщей имущества у совместно живущего зятя нашим судьям не казалась естественной. Значит, на решение судей по вопросу о кирпиче повлияло наличие «расписки» (под этим названием скрывается, конечно, не просто письменный документ, но документ, заверенный в волостном правлении или у нотариуса).

Однако наличие расписки и даже договора не помогло Александре Бокаревой. Походя судьи упрекнули её в том, что она «не приложила к своему заявлению копий актов на приобретение этого имущества и ограничилась одним только предъявлением их при разборе [дела]». Но похоже, что это был не ключевой довод, а лишь «лыко в строку», отражающее ожесточённость происходившего обсуждения (раз дошло до упоминания таких мелочей, как подробности оформления иска, значит, Александра Бокарева не стала на заседании уступать без боя). Но ключевую роль играли соображения по существу рассматриваемых документов.

Показательно, что расписка на кирпич Марии Гребенюковой была составлена позже аналогичных документов Александры Бокаревой, позже описей имущества. Если бы суд руководствовался одной только формальной стороной дела, то и в документе Гребенюковой тоже следовало бы усмотреть «одну только юридическую уловку». Но этого не произошло; значит, суд учитывал ещё какие-то обстоятельства. Сыграли роль представления судей о

том, как устроена жизнь в крестьянской семье. Имущественную обособленность тёщи от зятя они сочли возможной; имущественную обособленность жены от мужа – невозможной, по крайней мере, в той степени, на которую претендовали Бокаревы.

Отчасти это обусловлено различием статусов жены и тёщи («муж и жена – одна сатана», как гласит старинная поговорка). Показательно в этом отношении то, что часть претензий в обоих случаях касалась строительных материалов: покупку Гребенюковой у своего зятя кирпича суд признал, а покупку Бокарёвой у мужа брёвен – не признал. В то же время, известно, что идея обособленности имущества жены как таковая не противоречила сознанию тех же самых тулинских судей. В одном из исков того же 1914 года они легко признали за женой верховное право на произведения и орудия женского труда (даже такие дорогие, как ткацкий станок)¹³. Но покупка женой у мужа дома, в котором они оба живут, была оценена только как уловка: явление, значит, невероятное в обычной жизни.

Таким образом, вопрос о методах судопроизводства волостного суда сводится не к тому, какие виды доказательств использовал суд (он использовал все наличные доказательства: и устные, и письменные), а к тому, как он их использовал. Решения Тулинского волостного суда за 1914 г. показывают, что любые наличные свидетельства волостные судьи использовали как источник информации, подвергаемой критическому осмыслению, с тем чтобы сформировать собственное представление о деле и принять самостоятельное решение. Ни неграмотность, ни жизнь в общине, ни какие-либо традиции не мешали русским крестьянам начала XX в. действовать рационально и проявлять изобретательность в решении нестандартных задач, которые ставила перед ними жизнь.

---

¹³ Кириллов А. К. Цепочки исков в российском волостном суде начала XX века: случай сибирской крестьянки Александры Бороздиной, добившейся от мужа имущества, но не денег // Северные Архивы и Экспедиции. – 2020. – Т. 4. – № 4. – С. 37–51.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Земцов Л.И. Волостной суд в России 60-х – первой половины 70-х годов XIX века. (По материалам Центрального Черноземья). Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. 447 с.
2. Почеревин Е.В. Низовая административно-судебная система в Алтайском округе (конец XIX в. – 1917 г.). Бийск: АГАО им. В.М. Шукшина, 2013. 286 с.
3. Безгин В.Б. Сельское правосудие и правовые обычаи русских крестьян второй половины XIX – начала XX века. Тамбов: Тамбовский филиал РАНХиГС, 2014. 287 с.
4. Безгин В.Б. Мужичья правда. Обычное право и суд русских крестьян. Москва: Common place, 2017. 334 с.
5. Менщиков И.С., Федоров С.Г. Волостные суды и крестьянское правосудие в Южном Зауралье. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2017. 152 с.
6. Васев И.Н., Синкин К.А., Васильев А.А. Обычное право русской крестьянской общины (XIX – начало XX в.). М.: Юрлитинформ, 2019. 326 с.
7. Burbank, Jane. Russian peasants go to court: legal culture in the countryside (1905–1917). Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 2004. 374 p.
8. Шиловский М.В. Крестьянское общественное самоуправление в Западной Сибири в годы Первой мировой войны и социального катаклизма (1914–1919 гг.) // Сословные и социокультурные трансформации населения Азиатской России (XVII – начало XX века): Сб. мат. междунар. науч. конф. Новосибирск: Параллель, 2014. С. 284–292.
9. Гордеева М.А. Делопроизводственная документация Тулинского волостного суда как источник изучения крестьянства Западной Сибири начала XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. № 3. С. 107–111.
10. Гордеева М.А. Сельское общество против сельских обывателей: эпизоды борьбы в волостном суде начала XX века (на материалах Тулинской

волости Барнаульского уезда Томской губернии) // Исторический курьер. 2018. № 2. С. 1–10.

11. Кириллов А. К. Цепочки исков в российском волостном суде начала XX века: случай сибирской крестьянки Александры Бороздиной, добившейся от мужа имущества, но не денег // Северные Архивы и Экспедиции. 2020. Т. 4. № 4. С. 37–51.

References

1. Zemtsov L.I. County court in Russia 60s - first half of 70s of the XIX century. (Based on materials from the Central Black Earth Region). Voronezh: Voronezh state University Publishing House, 2002. 447 p. (In Russ.)

2. Pocherevin E.V. Grassroots administrative-judicial system in the Altai District (late 19th century – 1917). Biysk: V.M. Shukshin Academy, 2013. 286 p. (In Russ.)

3. Bezgin V.B. Rural justice and legal customs of Russian peasants in the second half of the 19th - early 20th centuries. Tambov: Tambov branch of RANEPА, 2014. 287 p. (In Russ.)

4. Bezgin V.B. Peasant truth. Common law and court of Russian peasants. Moscow: Common place, 2017. 334 p. (In Russ.)

5. Menshchikov I.S., Fedorov S.G. County courts and peasant justice in the South Trans-Urals. Kurgan: Publishing house of the Kurgan state university, 2017. 152 p. (In Russ.)

6. Vasev I.N., Sinkin K.A., Vasiliev A.A. The common law of the Russian peasant community (19th – early 20th centuries). Moscow: Yurlitinform, 2019. 326 p. (In Russ.)

7. Burbank, Jane. Russian peasants go to court: legal culture in the countryside (1905-1917). Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 2004. 374 p.

8. Shilovsky M.V. Peasant public self-government in Western Siberia during the First World War and social cataclysm (1914–1919) // *Soslovnye i sociokul'turnye transformacii naselenija Aziatskoj Rossii (XVII – nachalo XX veka): Sbornik*

materialov mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii. Novosibirsk: Parallel, 2014. Pp. 284–292. (In Russ.)

9. Gordeeva M.A. Clerical documentation of the Tulinsky volost court as a source of studying the peasantry of Western Siberia at the beginning of the 20th century. // *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2016. Vol. 23. No. 3. P. 107–111. (In Russ.)

10. Gordeeva M.A. Rural society against rural inhabitants: episodes of the struggle in the volost court of the early XX century (based on materials from the Tulinskaya volost of the Barnaul district of the Tomsk province) // *Istoricheskij kur'er*. 2018. No. 2. P. 1–10. (In Russ.)

11. Kirillov A.K. Chains of claims in the Russian County court at the beginning of the 20th century: the case of the Siberian peasant woman Alexandra Borozdina, who obtained property from her husband, but not money // *Severnye Arhivy i Jekspedicii*. 2020. T. 4. No. 4. P. 37–51. (In Russ.)